

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н.С. ГОНЧАРУК

*Орловская региональная
академия государственной
службы*

*e-mail:
gontscharuk@yandex.ru*

В статье рассматриваются процессы трансформации национальной идентичности в странах ЕС, связанные с развитием интеграции. Автор приводит данные, свидетельствующие о построении новой формы идентичности в ЕС.

Ключевые слова: идентичность ЕС, трансформация идентичности ЕС, Единая европейская идентичность, европейская модель общества, внутриевропейские противоречия, политика ЕС.

Европа – это, пожалуй, единственная часть света, где в условиях чрезвычайно высокой плотности населения испокон веков соседствовали десятки национальностей, народов и государств. История Европы – это не только бесконечные опустошительные войны, но и многовековое совместное существование.

Идея объединения Европы имеет глубокие исторические корни. В данной статье рассматривается идентичность граждан государств-участников Европейского Союза, процесс её трансформации и формирование нового типа – единой европейской идентичности. В работе исследуется влияние новой формы идентичности на развитие ЕС в целом.

В последние годы в контексте европейской интеграции, ядром которой стал Европейский Союз, происходит трансформация прежней идентичности, характерной для национального государства (Etat-Nation). Традиционная для Европы идентичность размывается: одна её часть как бы переходит на уровень Европейского Союза и европейских институтов; другая часть приобретает и усваивается регионами. С этим связано и оживление, и новый всплеск региональных движений в ряде стран Европы (например, в Италии). Формируются новые линии прямых связей регионов с институтами Европейского Союза.

Поиск новой идентичности происходит противоречиво: с одной стороны, подъем национальных и националистических чувств и движений, с другой – усиление стремления части общества к самоидентификации с Европой. При этом европейское измерение включает научно-технический и социальный прогресс, гуманизм и демократию, права человека и права меньшинств. В ЕС идёт процесс переосмысления и перестройки тех взаимоотношений, которые долгое время воспринимались как непреложный жизненный факт. Вполне очевидно, что человеку необходимо адаптироваться к этим изменениям. Процесс вхождения людей в новое сообщество может быть относительно коротким, хотя и трудным, но может длиться и мучительные десятилетия. И это во многом зависит от адекватной политики государства. Тем не менее выработка и укрепление единой европейской идентичности диктуется необходимостью обеспечения устойчивости Евросоюза, которая будет базироваться не только на экономическом фундаменте, но и на духовном родстве и ассоциироваться как «общее пространство», «общая родина». В самом деле, с учётом глубины общности стран европейского континента Евросоюзу доверено решение важнейших политических задач – достигнуть экономического процветания, сформировать по-настоящему единый рынок, спаянный общей валютой; поддерживать социальный прогресс; обеспечивать защиту окружающей среды в рамках стратегии устойчивого развития; укреплять правосудие и охрану правопорядка; вырабатывать общую политику в области безопасности и обороны. В европейской модели общества отражено стремление к справедливому мироустройству, базирующемуся на восприятии человеческого достоинства как высшей ценности. Данная модель руководствуется четырьмя основными принципами: неприкосновенность прав человека; культура как средство воспитания и достижения прогресса; устойчивое развитие, подразумевающее и экономическое процветание, и социальную справедливость, и защиту окружающей среды; отстаивание многостороннего подхода в международных делах.

Вышеописанная модель уникальна и присуща только Европе. Понятие человеческого достоинства, как представляется, нигде не приобрело столь всеобъемлющего характера, как на данном континенте. Опросы, проводимые в ЕС, в том числе и среди жителей новых стран-членов, подтверждают: европейцы осознают свою приверженность вышеуказанным принципам. Эта модель – символ, но она олицетворяет не «старую Европу», которую обгоняют успешные США, динамичный Китай или растущая Индия. Наоборот, европейский мир справедливости, по мнению экспертов ЕС, это предтеча «нового мира», мира, в котором такая ценность, как права человека, станет несоизмеримо важнее принципа государственного суверенитета, рост производства будет ограничен во имя достижения устойчивого развития, а политика силы уступит место отношениям, построенным на идеалах безопасности и справедливости. Ориентиры для новой модели справедливости в пространстве ЕС эксперты усматривают в следующем.

1. Европа представляет собой континент новых экономических возможностей. Речь идет, в первую очередь, о реализации «Лиссабонской стратегии»: вложение инвестиций в исследования, в высшее образование, придание динамики внутреннему рынку.

2. Европа – это поле экологических возможностей. Здесь предполагается руководствоваться принципом «экологической превентивности», препятствуя деградации национальных экосистем.

3. В Европе высок потенциал реализации социальных возможностей. Наблюдается тенденция к реальному равенству возможностей, с тем чтобы все обладали равными стартовыми условиями. В этих целях общество должно вкладывать больше средств в тех граждан, чей собственный капитал невелик. Требуется ликвидировать прорехи в сети социальной защиты европейцев. Необходим европейский социальный минимум, который рассчитывался бы в каждой стране исходя из ее среднего уровня.

Пока, как известно, интеграционные процессы были ограничены в основном строительством единого рынка, никто особенно не задавался вопросом о природе легитимности Европейского Союза. Но как только интеграция стала затрагивать ценности и нормы, лежащие в основе политической самодентификации европейцев, сразу же развернулась дискуссия о «демократическом дефиците», а затем и о проблемах европейской идентичности и гражданства. В конце концов, права человека и другие ключевые правовые понятия отделяют «своих» от «чужих», проводят границы политического сообщества, отделяя внутренний мир правопорядка от сферы внешней политики. Расширение ЕС, как полагают эксперты, может привести к радикальному изменению внутренней структуры правового поля – к его фрагментации. Право в узком смысле слова может способствовать преодолению кризиса, оставаясь своего рода каркасом для пока и недостроенного общего европейского дома. Но в конечном итоге, право не может обеспечить решение задач, которые принадлежат сфере политического. В первую очередь речь идет о создании сообщества граждан, готовых не только пользоваться благами единого рынка, но и жертвовать своими интересами во имя общего дела¹. Государства-члены Совета Европы считают, что гражданские и политические права и права социальные и экономические находятся во взаимной зависимости и образуют неделимую совокупность принципов, которыми должны руководствоваться европейские демократические государства.

Европейская Конвенция по защите прав человека, гарантирующая защиту гражданских и политических прав, была, как известно, дополнена Европейской Социальной Хартией – европейским договором, подписанным в 1961 году в Турине и пересмотренным в Страсбурге в 1996 году. Последние изменения, внесенные в текст Хартии, отражают стремление превратить ее в своего рода образец для будущего европейского законодательства, в том числе и законодательства стран Евросоюза. Эта Хартия, по сути, является аналогом Европейской конвенции по защите прав человека, но только в экономической и социальной области. В 1996 году Хартия претерпела изменения, в нее были включены новые права, продиктованные изменением жизни: право работников с семейными обязанностями на равные возможности и одинаковый подход; право на защиту претензий работников в случае финансовой несостоятельности работодателя; право на защиту от бедности и деклассирования и т.д. Всё это импонирует гражданам ЕС.

¹ Морозов В. Осмысление интеграции в Европе. Том 3. Номер 3(9). Сентябрь-декабрь 2005.

Изменения национальной идентичности граждан в странах ЕС связаны и с введением единой европейской валюты. По некоторым наблюдениям психологические последствия введения евро намного превосходят сегодня последствия, связанные с появлением института общеевропейского гражданства, ибо денежная единица, имеющая хождение от Лапландии до Канарских островов и от Бреста до Афин, лучше любой политической меры способна показать европейцам всю глубину их внутреннего единства. А выгоды, порожденные её использованием, способны объединить всю Европу вокруг зоны евро, как все нынешние страны Европейского Союза объединились вокруг шести государств, подписавших в 1957 году Римский договор². Этот вывод хорошо иллюстрируется характером перехода к наличному евро, который в целом произошёл без эксцессов, без какой-либо демонстративной ностальгии по национальным денежным единицам в странах зоны евро и, более того, вызвал резкий рост интереса и одобрительного отношения к евро в тех странах, которые не вошли в валютный союз, прежде всего, в Швеции и Великобритании. Сегодня многие специалисты отмечают, что существует высокая вероятность принятия евро остальными членами Европейского Союза в ближайшие 2-4 года. Долгосрочные социальные последствия этого шага еще долго будут поддаваться переоценке, но очевидно, что для большинства рядовых граждан Европы они окажут мощное воздействие на сознание, способствуя дальнейшему формированию единой европейской идентичности.

Проводимая общая политика правительства Союза способна лишь создать предпосылки, но не может заставить граждан в одночасье почувствовать себя еще и гражданином единой Европы. Двенадцать золотых звезд на голубом фоне, изображенные на флаге ЕС, всего лишь один из символов, призванный усилить у жителей Европы дух солидарности. Однако далеко не каждый из них ощущает себя европейцем. Согласно социологическому опросу, проведенному в июне 2004 года Европейской комиссией, около 77 % немцев идентифицируют себя как европейцы, в то время как среди британцев таких лишь чуть больше половины³. Этот факт подтверждает и новое исследование немецкого политолога Антье Винер (Antje Wiener), опросившей представителей политической и экономической элиты Германии и Великобритании. Результаты проведенной работы еще раз подтвердили, что «островное мышление» у британцев по-прежнему развито сильно. Для жителей туманного Альбиона Европа начинается за Ла-Маншем, для них типичны выражения типа «поехать в Европу» или «провести в Европе отпуск». Лишь когда англичане оказываются на другом континенте – в Азии или в Америке – они причисляют свою страну к Европе, а себя называют европейцами. Опрошенным немцам, напротив, присуще положительное отношение к Евросоюзу. Большинство жителей Германии убеждено, что интеграция в долгосрочной перспективе – это хорошо, и ее необходимо углублять. К солидарности стремятся не все. Те же цели преследовал и ЕС, вводя символику Союза. С 1950 г. существует флаг объединенной Европы, Четвертая часть симфонии Бетховена «Ода радости» становится европейским гимном. В проекте конституции ЕС флаг и гимн впервые зафиксированы в качестве официальных символов Евросоюза. Они, наряду с евро, призваны усилить чувство солидарности всех европейцев.

По данным аналитической службы Eurobarometer, во всех странах ЕС число сторонников пребывания в Союзе выше, чем количество противников. (Самые «еврооптимистичные» – люксембуржцы: 85% позитивно оценивают членство своей страны в ЕС, 4% – негативно; самые «евроскептические» – британцы и шведы, где указанное соотношение, в процентах – 38:22 и 48:24 соответственно). Однако на более конкретно поставленный вопрос «Выигрывает ли в данный момент Ваша страна от пребывания в ЕС?» европейцы отвечают иначе. В пяти странах (Австрии, Великобритании, на Кипре, в Чехии и Швеции) число ответивших «нет» больше, чем сказавших «да», еще в двух (Дании и Финляндии) эти цифры примерно равны, и лишь в тринадцати отрицательно ответило на вопрос менее трети респондентов. Нет единства во мнениях и относительно необходимости дальнейшего расширения ЕС: в среднем по Союзу этот процесс поддерживает лишь чуть больше половины граждан (53%), а в таких странах, как Австрия, Германия, Дания, Финляндия, Франция и Швеция, доля сторонников расширения значительно меньше доли противников⁴. Такие разные мнения свидетельствуют, что пока трудно говорить о европейской

² Shore C. Building Europe. The cultural politics of European integration. – P.90.

³ People in Europe.-Eurostat Yearbook, 2004. <http://europa.eu.int/comm/eurostat>.

⁴ Special Euro barometer 251-Wave 65.1-TNS Opinion & Social // 2.05.2006.

идентичности как уже сформировавшемся и устоявшемся явлении. Без сомнения, миллионы граждан Евросоюза ассоциируют себя с Европой и осознают культурные, психологические, политико-правовые и прочие отличия своих обществ от исламских стран, дальневосточного мира или Соединенных Штатов. Однако, во-первых, европейцами считают себя и многие из живущих за пределами ЕС – некоторые граждане стран СНГ, обитатели Балкан и даже Турции. Европейский союз вряд ли вправе претендовать на монополию на «европейскость», хотя в массовом сознании понятия «Европа» и «Евросоюз» в последние годы стали почти синонимами. Во-вторых, даже «стопроцентные» европейцы вроде французов, немцев или голландцев по-прежнему ассоциируют себя скорее со своими государствами, народами и культурами, нежели с наднациональными институтами ЕС. В данный период Европа вместе с движением ЕС на восток столкнулась с новым вызовом: что считать национальным пространством Европы и где проходят его границы. Трансформация идентичности, как национальной, так и наднациональной, есть одно из характерных явлений современности. Со всё большей скоростью разрушаются социальные границы, дезорганизуются большие сообщества и структуры. Растёт культурная фрагментарность. В современной литературе трансформация идентичности трактуется в контексте процессов глобализации, постмодернизации и децентрализации общества⁵. В таких условиях чрезвычайно трудно сказать, какая страна является «более», а которая «менее» европейской. Можно лишь согласиться с британцем Д. Рейнальдсом, что «идея явным образом выраженной европейской идентичности проблематична»⁶. Почему? Потому что континент никогда не был культурно однородным. В этом отношении важно понять национальную идентичность всех государств, входящих в данный момент в Союз. Очевидно, что она будет характеризоваться различиями в силу разных языков, культуры и прочих факторов. Но общим, несомненно, будет являться принадлежность всех этих стран к Европейской части. В принципе, двойная идентичность не редкость в европейской истории: многие жители многонациональной Австро-Венгрии когда-то ощущали себя как представителями определенного народа (немцами, венграми, чехами и т.д.), так и лояльными подданными австрийского императора. Проблемы у такого рода многонациональных государств возникали только тогда, когда лояльность все большего числа людей собственному народу начинала преобладать над лояльностью стране, что вело к распаду последней и формированию на его месте множества национальных государств. В современной же Европе общеевропейская идентичность пока совсем не конкурент идентичностям национальным. Именно поэтому попытки создать такую идентичность искусственно за счет ускорения интеграционных процессов на политико-правовом и институциональном уровне, в том числе с помощью Евроконституции, не приводят к желаемому результату. Искусственное ускорение процесса формирования единой европейской идентичности вызвано в первую очередь геополитическими соображениями, мечтой о «Соединенных Штатах Европы» как державе мирового политического и экономического значения, способной составить конкуренцию США, Китаю и иным «центрам тяжести» современного мира. Как пишет известный немецкий философ, социолог и культуролог Юрген Хабермас, «Европа должна бросить весь свой вес на чашу весов международных отношений, чтобы сбалансировать стремящиеся к односторонней гегемонии США»⁷. Задача, несомненно, серьезная, однако ее реализация, на наш взгляд, по ряду причин предполагает такую степень интеграции в рамках ЕС, которая требует времени (даже в случае принятия Евроконституции). Во-первых, Европе не хватает экономической динамики, ее хозяйственный рост во многом сдерживается уходящей в прошлое моделью социального государства. Во-вторых, помимо экономических, между членами ЕС существуют внешнеполитические противоречия. Первое из них связано с отношениями с США и моделью евроатлантического сотрудничества в целом. Хотя со стороны как Вашингтона, так и «старой» Европы были в последнее время сделаны примирительные жесты, призванные загладить дипломатический конфликт, связанный с войной в Ираке, говорить о полном восстановлении согласия никак нельзя. В западноевропейских политических кругах, в первую очередь французских и немецких, по-прежнему популярна идея самостоятельной европейской политики в области международных отношений, обороны и безопасности, которая не только бы не зависела от позиции США, но и составляла бы конкуренцию американской внешнеполитической стратегии. Такой подход, однако, встречает сопротивление

⁵ Этнические меньшинства в современной Европе. – М., 1997. – 328 с.

⁶ Неприцкий А.А. Европейская идентичность и большая Европа. – <http://www/edc/spb/ru/conf2002/neprickij/htm>.

⁷ www.Academy-go.ru/site/Russia/ec/publications/habermas.shtml.

как традиционно атлантически ориентированной Великобритании, так и проамерикански настроенных политических элит Центральной и Восточной Европы. Всё менее «атлантической» становится в последнее время позиция Италии и Испании. В результате в Евросоюзе складываются два блока, противоречия между которыми не позволяют в обозримом будущем надеяться на формирование единой внешней политики «Соединенных Штатов Европы»⁸. Еще одно важнейшее внутриевропейское противоречие касается перспектив дальнейшего расширения ЕС. Не секрет, что большим аргументом в пользу «евроскептиков» в той же Франции стало принятое лидерами Евросоюза решение начать переговоры с Турцией о ее присоединении к ЕС (в качестве даты вступления пока называются 2015 – 2020 гг.). Отношение к возможному принятию 70-миллионной мусульманской, пусть и пока светской, страны в ЕС среди европейцев неоднозначное. Нет единства и по вопросу об увеличении числа членов Союза за счет балканских государств и стран СНГ (Украина, Грузия, Молдавия). Западная Европа опасается наплыва новых «бедных родственников», способного подорвать и без того шаткую экономическую и финансовую стабильность ЕС. Восточная Европа, наоборот, в целом не против дальнейшего расширения, которое позволило бы «бедным государствам» постепенно лишиться «богатых» монополий на принятие стратегических решений в ЕС.

Европейская модель подвергается угрозам и извне. Главный риск – это опасность не выдержать давления мондиализации. Мондиализация экономических потоков представляет собой серьезную проблему для европейской модели развития, которой свойственно активное использование регулирующих механизмов.

В целом, в рамках Европейского Союза проводится политика, направленная на охват всех сторон жизнедеятельности общества, основанная на балансе национальных и общих интересов, уважении национальных особенностей в рамках принадлежности к Европейскому Союзу. Открыты национальные рынки государственных заказов; сглажены несоответствия национальных налоговых систем путём принятия ряда общих правил, касающихся косвенного налогообложения, налога на добавленную стоимость (НДС) и акцизов; либерализованы рынки финансов и финансовых услуг; предприняты шаги по гармонизации национального законодательства о безопасности и загрязнении окружающей среды, а в общем плане страны ЕС согласились на взаимное признание единообразия своих законодательств и систем сертификации; сняты препятствия для свободного передвижения людей, приведены в соответствие национальные законодательства о компаниях и о правах интеллектуальной и промышленной собственности и т.п. Все аспекты европейской национальной жизни оказывают влияние на формирование единой европейской идентичности. Европейское сознание, являясь национальным по своему содержанию, вместе с тем выступает как европейское по своей форме. Постепенно возрастающий процесс европейской интеграции сильно способствует этому, а формирующееся единое европейское сознание, в свою очередь, оказывает ускоряющее влияние в целом на процесс европейской интеграции. Политико-экономическое воссоединение большинства стран европейского континента становится явлением нового европейского духа. В основе Европейского Союза всё в большей степени находят своё выражение общие ценности, в которые, судя по всему, верят народы, населяющие это пространство. Процесс формирования единой европейской идентичности будет, на наш взгляд, способствовать дальнейшему продолжению построения мощного Союза, о котором мечтают его нынешние граждане.

PECULIARITY OF DISPLAYING NATIONAL IDENTITY THE EUROPEAN UNION'S

N.S. GONCHARUK

*The Oryol regional academy of
management*

e-mail:
gontscharuk@yandex.ru

In the article is considering the processes of the transformation national identity the European Union's, which are connected with integration development. The author brings the facts, argumentative of building new identity's form.

Key words: identity of the European Union, identity's transformation, uniform European identity, European society model, internal European contradictions, European policy.

⁸ Derrida J., Habermas J. *Renewal* // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2003. 31 Mai.